

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

В жестоких и беспощадных боях с немецкими захватчиками рождаются великие ценности — дружба, сцементированная кровью и огнем, и мужество, о котором возникают легенды.

Эта дружба родилась под огнем врага, на лесной финской высоте, у которой не было названия. Сердца двух воинов бились рядом в течение двадцати часов, и кровь скрепила их братство навеки. Старший был коммунистом, младший — комсомольцем. С беззаветной отвагой они выполнили свой долг. В одном указе присвоено им звание Героев — мертвому и живому.

Вот простой рассказ о величии их мужества и дружбы.

Николай Матвеевич Руденко, старший политрук, в ту ночь был нездоров. Он участвовал в операции против вражеских автоматчиков, проникших к нам в тыл, вымок под дождем и простудился. Но когда Руденко узнал, что значительная группа фашистских войск прорвалась между нашими армиями, он вызвался идти в бой. Начальник санитарной части усмехнулся и сказал:

— Вас, видно, сильно знобит, раз так хочется подраться?

— Задача серьезная, — заметил комиссар полка.

— Ну что ж, наведем порядок, — ответил Руденко.

С ротой пограничников поехал Анатолий Кокорин. Это был веселый, спокойный, приветливый человек, очень молодой, красивый, как девушка. Вечерами, когда взгрустнется на сердце у бойца, когда вспомнится родной дом, семья, любимая девушка, высокий голос Кокорина радовал людей и разгонял уныние.

А Руденко знал Кокорина как очень дисциплинированного комсомольца. Где родился Кокорин, где учился или работал до службы в погранчастях, холост он или женат, есть ли у него родные — это Руденко не было известно. Но в ту ночь старший политрук убедился в безграничном мужестве этого человека, беспредельной отваге и преданности его души. В ту ночь Кокорин стал для Руденко самым близким и дорогим существом, и славный образ комсомольца навсегда запечатлелся в его памяти.

К высоте Безымянной, которой завладели фашисты, пограничники двинулись на машинах. Сведения о противнике имелись недостаточные, обстановка была неясной, и командир роты лейтенант Кононенко, опасаясь ловушки, приказал километрах в двух от высоты оставить машины и дальше идти пешком. Два взвода он направил вперед левее дороги, а с третьим взводом пошел вправо, прямо на высоту. Руденко и Кокорин также отправились с этим взводом. Моросил надоедливый дождик. Было очень холодно.

Противник встретил ураганным огнем. Командир роты поднял взвод в атаку, и коротким штыковым ударом пограничники отбросили врага. Кононенко был ранен.

Фашисты отошли за поляну, отделяющую высоту от леса, и открыли минометный огонь.

Пограничники залегли на высоте. Место было удобное. Мелкий лес — ельник, сосны и березы — густо покрывал Безымянную высоту. Между деревьев торчали дикие замшелые финские валуны. Бойцы улеглись за ними в ожидании, когда минует минометный шквал. Под этим первым огневым налетом состоялось боевое знакомство старшего политрука и комсомольца Кокорина. Осколком мины Руденко ранило в бедро. Кокорин подполз к комиссару.

— Вас ранило? Перевязать?

Кокорин знал санитарное дело, и бойцы даже называли его, в знак особенного уважения, «военфельдшером».

— Я оцарапался, — ответил Руденко. — Тут сучки, камни, всякая чертовщина...

Кокорин внимательно поглядел на старшего политрука и отполз в сторону.

Под утро надоедливый дождик сменился ливнем. Потoki воды лились с неба, обрушиваясь на деревья, на камни, на бойцов. От воды некуда было скрыться. Почва размокла, поплыла; люди лежали в холодных ручьях; локти разъезжались, когда бойцы опирались на них для стрельбы лежа; винтовки соскальзывали с валунов.

В это время фашисты пошли в контратаку. Они высыпали из леса и побежали к подножию высоты через поляну с протяжным криком: «Алля-ля!..» Руденко еще по финской войне хорошо знал этот крик шоцкоровцев. Сквозь сетку дождя комиссар видел фигуры офицеров в немецких мундирах и финских солдат. Их было около двух рот. По приказу Руденко наши бойцы подпустили врагов ближе и тогда открыли огонь. Нужно было экономить патроны и бить наверняка. Никто не мог учесть, сколько времени придется держаться в обороне.

На нашей стороне появились раненые. Не выпуская из рук винтовки, Кокорин переползал за деревьями и камнями от одного раненого к другому, оказывая первую помощь. Руденко невольно все поглядывал на него. Молодой боец, заменивший санитаря, работал превосходно.

Фашистская контратака быстро выдохлась. Враги откатились к лесу, но вскоре снова пошли вперед. Безымянная высота была важным рубежом. Она находилась у пересечения дорог, контролировала окрестность

и могла служить фашистам удобным исходным пунктом для широкого наступления. Поэтому они стремились во что бы то ни стало отбить эту высоту.

Короткими очередями советские пулеметчики сдерживали натиск фашистов. Неожиданно замолчал правый пулемет. Из него стрелял комсомолец Мусатов. Зная Мусатова, Руденко был уверен, что его пулемет не мог просто отказать. Пока Мусатов жив, он не прекратит огня. Руденко покинул свое укрытие и пополз на фланг. Пулемет стоял на месте, возле него без движения лежал Мусатов. Он был мертв. Руденко остался у пулемета и сам повел огонь.

Фашисты залегли у подножия высоты.

Тогда Руденко решил штыковым ударом отбросить врагов. Он знал на опыте, что фашисты не выносят штыковой атаки.

Поднявшись во весь рост, старший политрук закричал:

— За пулеметчика Мусатова, за родину, за Сталина — вперед!

И рядом с ним тотчас же очутился Кокорин.

Тяжелое дыхание бегущих бойцов, свист пуль и ветра, неясные отрывистые крики фашистов, глухие удары, странное ощущение, когда штык мягко входит в тело врага...

Но слишком велик был численный перевес фашистов. Один взвод не имел возможности преодолеть сопротивление двух рот. Пограничники отступили на Безымянную высоту, и здесь Руденко получил второе ранение. Пуля поразила его в плечо. От боли и неожиданности он на секунду выпустил винтовку. Тут же он подхватил ее и продолжал стрелять. Но от Кокорина это мимолетное движение не ускользнуло. Не спрашивая о ранении, он предложил старшему политруку сделать перевязку.

— Меня нечего перевязывать, — ответил Руденко. — Вон перевяжите бойца. Видите, человек ранен в ногу.

И тогда простой боец не захотел уступить в мужестве своему комиссару.

— Я не ранен, — проговорил он, сверкая глазами и закусывая от боли губу, — просто ударило меня разок.

Вскоре и Кокорину пришлось испытать первое ранение. Он находился вблизи Руденко, и старший политрук заметил, как он пошатнулся и побледнел.

— Что, Кокорин? — спросил Руденко.

— Все в порядке, — ответил комсомолец и пополз на левый фланг, где только что разорвалась новая мина.

Так держалась против многочисленного врага горстка советских бойцов, вписывая еще одну героическую строку в историю своего народа.

Немного погодя дождь уменьшился, но попрежнему низкая серая пелена покрывала небо, и на лица бойцов садилась мелкая водяная пыль. Ветер раскачивал деревья, скрипели ветви, по склонам Безымянной высоты бежали дождевые ручьи. Руденко лежал у разбитого миной пулемета, с винтовкой в руках, сторожил противника и думал. Нет, он не вспоминал своей жизни, своего детства. Родной Донец, дубняк в

глубоких оврагах, голубые отвалы пустой породы у мелких шахт кустарей, бескрайная донбасская степь с величественными терриконами¹ на горизонте, освещенная серебристым светом неба, — эти картины родных мест не вставляли перед ним. Правда, он подумал об отце. Его отец, донецкий горняк, на старости лет стал колхозным сторожем. Отец сторожит колхоз, а он, старший политрук Руденко, сейчас также охраняет от врага пограничный рубеж родины. И он думал о себе, о своих товарищах и о том, что здесь, на угрюмой земле, среди диких камней и корявых деревьев, придется встречать смерть. Другого выхода не было. Много лет Руденко служил в пограничных частях, и профессия чекиста выработала в нем особое чувство долга. В его мозгу не оставалось места для мысли о сдаче в плен. Это просто не приходило ему в голову. Отступить, чтобы спасти раненых товарищей, — об этом он думал. Но это был бы плохой маневр. Отступая, они наверняка обнаружили бы перед противником свою малочисленность, и фашисты уничтожили бы их всех до одного. А жить даже под этим чужим небом хотелось так же, как хочется жить, когда над тобой небо родного края. И он думал о Кокорине, об этом еще совсем юном бойце, смелом и мужественном воине. И ему приятно было, что на смену старшим растет такая молодежь. И ему стало грустно, что многие из них погибнут на этой войне...

Фашисты пошли в «психическую атаку» на пулеметный расчет комсомольца-балтийца Н. А. Тихомирова. Тихомиров и краснофлотец П. Н. Кононов встретили врага ураганным огнем. Гитлеровские воюки бежали, оставив на поле боя десятки убитых.

¹ Терриконы — отвалы пустой породы.

...Подполз Кокорин и попросил закурить. Руденко знал, что Кокорин не курит. Но он не удивился неожиданному желанию бойца. За пазухой, под гимнастеркой, Руденко уберег пачку папирос и несколько спичек, завернутых в промасленную бумагу. Он дал бойцу закурить и закурил сам.

— Ну, как, Кокорин? — спросил он. — Как настроение?

— Ничего, — ответил боец.

— Хорошо жить на белом свете, — сказал Руденко. — Верно, Кокорин? Жить бы нам до ста лет...

Кокорин ответил не сразу. Он посмотрел в сторону противника и затем сказал:

— За такую жизнь и бороться надо.

Сейчас эта фраза звучит несколько книжно, несколько холодно. Но там, на высоте, перед лицом смерти, произнесенная обыкновенным голосом, человеком, который поступал в полном соответствии со смыслом своих слов, она прозвучала значительно и страстно. Руденко вздохнул, кивнул головой и подумал о том, что на всю жизнь запомнится ему эта фраза и тон, каким она произнесена.

...Дождь снова усилился. Вероятно, давно уже наступил день, но попрежнему на лесной высоте держался рассветный сумрак, и от холода у бойцов зуб на зуб не попадал. Среди пограничников не осталось ни одного невредимого. Командира роты Кононенко и командира взвода уже не было в живых. Из кустов на обратном скате слышались стоны тяжело раненных. У Руденко оставалось семь патронов, у Кокорина — пять.

— Слушай приказ, — сказал Руденко, принимая решение, которое казалось ему теперь единственно правильным, после всего, что он передумал, лежа с винтовкой под дождем. — Пусть все бойцы, которые могут ходить, возьмут тяжело раненных и уходят. Мне оставите ручной пулемет и всеми наличными патронами зарядите диски.

— Слушаю, — ответил Кокорин, но не торопился выполнять приказ.

— Что же вы? — спросил Руденко подозрительно.

— На основании присяги я не имею права оставлять командира одного, — ответил Кокорин.

Руденко повернул к нему лицо и сердито проговорил:

— На основании присяги вы обязаны выполнять распоряжения командира беспрекословно.

Кокорин скрылся за валунами. Руденко остался один.

Он лежал на Безымянной высоте, прильнув к прицельной рамке дегтяревского пулемета, продрогший от холода, мокрый от дождя, и одиночными выстрелами, экономя патроны, поражал видимые цели. Он вспомнил прочитанную где-то фразу: «Жить пресмыкаясь, как лягушка в болоте, глупо и бессмысленно». Дальше в той книге говорилось о том, что тяжело умирать, когда сознаешь, что жил ты неверно, что памяти после тебя не останется, что не успеют тебя похоронить, как забудут тебя самые близкие. Но героической смертью (там она называлась

«красивой») не страшно умирать, говорилось в той книге. Имя твое не умрет вместе с твоим телом. Такой смерти можно не бояться: это бессмертие, а не смерть.

Он лежал и думал об этом. Начала ныть рана на бедре, и он подумал, что теперь все равно у него нет выхода. В этой грязи, в мокрой одежде его доконает гангрена, даже если фашисты не сумеют его убить. Да, гангрена обеспечена. А рана так высоко, что ампутация невозможна. Рваная рана. Загрязненная рана. Непромытая, не перевязанная рана. Пустяковая рана, и она его убьет...

Превозмогая тупую, ноющую боль в бедре, он передвигался с ручным пулеметом по всей высоте, по всему «фронту», обманывая врага. Фашисты не должны были заподозрить, что на высоте остался только один боец.

Часа через два он услышал позади себя высокий голос Кокорина.

«Вернулся, вот черт!» радостно подумал Руденко, потому что, как ни безгранично мужество человека, страшно ему умирать в одиночестве.

Кокорин доложил, что, отправив раненых в тыл, он вернулся на свое место, потому что не может оставить комиссара. Руденко промолчал, а потом произнес глухо:

— Ну что ж, составляй тогда левый фланг моей дивизии.

То, что Кокорин, уведя раненых в безопасное место, вернулся,

Фашистский дзот мешает продвижению наступающей части. Саперы получили задание взорвать дзот и расчистить путь пехоте.

сильно взволновало Руденко. Он почувствовал непривычную нежность к этому человеку. И оттого, что подобное чувство приходилось редко испытывать, Руденко было радостно и немного стыдно.

И вот Руденко и Кокорин вдвоем стали продолжать неравную борьбу. Они боролись не за свою личную жизнь — их личная судьба казалась предрешенной. Их борьба была частицей борьбы за судьбу страны, за свободу народа, и они шли на гибель во имя его жизни.

Так, в бою крепла их дружба — дружба воинов, омытая кровью, закаленная огнем.

Спустя некоторое время Руденко заметил в лесу за поляной какое-то оживление. Сквозь мерный шум дождя ничего нельзя было расслышать, но старшему политруку казалось, что он различает короткие резкие фразы на немецком языке — слова выговора или команды. Затем за стволами берез замелькали темные фигуры, и к высоте Безымянной долетел знакомый угрюмый крик: «Алля-ля!..»

Фашисты пошли в новую атаку. Они не осмелились лезть прямо в лоб. У подножья высоты они остановились. На высоту полетели гранаты. Это были немецкие гранаты. Приятной особенностью отличались они: они рвались на полторы секунды позднее, чем нужно было, чтобы наверняка поразить цель. Руденко поймал на лету первую гранату и изо всей силы швырнул ее во врагов.

— Отгружай обратно! — крикнул он своему единственному бойцу, заменявшему теперь «дивизию».

Когда граната рвалась на земле, ее осколки поражали пространство в виде опрокинутого конуса. Задержанная в воздухе и отправленная обратно, граната разрывалась, не достигнув земли, и покрывала площадь вокруг себя параллельным земле смертоносным веером.

Руденко переадресовал врагу и вторую гранату. Третью он поймать не успел. Граната шлепнулась за его спиной. Судорожным, инстинктивным движением Руденко отшвырнул ее в сторону и всем телом прижался к мокрой и холодной земле. Взрыв словно все оборвал в его груди. Комья грязи, сбитые ветви, хвоя посыпались на него. Но он был жив и даже не ранен. Осколки взлетели в виде конуса, и ни один не задел его. В ту же минуту, точно спеша исправить неточность гранатометчика, мина взорвалась перед старшим политруком и разбила ручной пулемет. Острые осколки впились Руденко в руку. Он не обратил внимания на это ранение. Он знал, что главное впереди.

А финны и немцы всё не осмеливались итти на штурм. Фашистские цепи остались у подножья высоты, а из лесу заговорила полевая пушка. Первый ее снаряд угодил в дерево. С сухим и печальным треском сломался его ствол. «Плохо дело», подумал старший политрук. Но он пошутил, чтобы приободрить Кокорина.

— Это не жизнь — без пулемета, а взять негде. До управления военного снабжения шагать далеко.

И вдруг справа, метрах в пятидесяти от него, он увидел финнов в черных мундирах — они втаскивали на высоту станковый пулемет;

Смерть или плен! Иного выбора не будет захватчикам. Эти избрали: плен.

жирно блестела под мелким дождем вороненая сталь его затвора. Очевидно, они рассчитывали фланговым огнем уничтожить живую силу предполагаемого противника. Удивленные безмолвием на высоте, пулеметчики замешкались.

Никто из них не мог и предположить, что этот рубеж защищают только двое.

Когда Руденко увидел вблизи себя финнов, он крикнул Кокорину:

— Анатолий, есть пулемет!

И бросился к пулемету.

— Что вы делаете, товарищ комиссар! — закричал Кокорин.

— Поддерживай огнем! — на ходу заорал Руденко.

Финский пулеметчик успел только поднести руки к своему оружию.

Руденко прыгнул вперед и, выхватив пистолет, выстрелил трижды. Когда подоспел Кокорин, трое финнов лежали мертвыми у своего пулемета.

— Видишь, обошлись без УВС, — сказал Руденко, переводя дух. Он повернул пулемет в сторону фашистов и дал для пробы короткую очередь.

Фашисты притихли. Шумел дождь. Ветер ворошил мокрую листву деревьев.

— Готовься, Кокорин, — сказал Руденко своему товарищу. Не понравилась ему эта тишина.

И действительно, едва Кокорин вернулся на свое место, как из кустов бросились на него немецкие и финские офицеры.

— Держись! — закричал старший политрук.

Он подбежал и с разбегу вогнал штык в живот офицеру. Запомнилось удивленное лицо немца и его точно разодранный рот, когда он повернул голову. Штыком Руденко приколол второго и третьего офицера. Двое других, смешно припадая к земле, побежали вниз с холма. Кокорин с колена уложил их из винтовки.

В лесу застучал автомат, и тонкая очередь прошила кусты позади пограничников. Последняя пуля попала комиссару в живот. Он упал.

— Вот теперь ранен. Наверняка, — с трудом проговорил Руденко и сплюнул кровавым сгустком в кусты.

Кокорин вытащил последний кусочек бинта, который он все время сохранял для своего комиссара. Бинта хватило, чтобы только два раза обернуть вокруг живота.

— Валяй, валяй, Толя. Живот все-таки не мусорный ящик. Всякой дряни понабьется — нехорошо, — говорил Руденко, потому что боялся молчать. Его тряс озноб. Ему казалось, что он теряет силы. Он говорил, чтобы удержать сознание.

«Выдержит ли Кокорин один?» Пробуя улыбнуться, старший политрук сказал:

— Обрати внимание на математику, Анатолий. Простой подсчет: если взять, например, футболистов, то они сыграют, и результат — 2 : 3 или 3 : 5. И вопрос, в чью пользу. А мы сыграли со счетом 8 : 0, если взять только результат наличный.

Он считал только тех, что лежали возле станкового пулемета, и тех, которые пали от руки Кокорина. Убитых на подступе к высоте он не считал.

— Товарищ старший политрук, я вот что хочу сказать, — проговорил Кокорин и покраснел.

— Давай говори, — ответил Руденко.

— Видите ли, я хочу сказать, вот если вы останетесь живы, а я погибну... — Кокорин замолчал.

— Ну? — спросил Руденко.

— Так вот, считайте меня коммунистом...

Кокорин точно выдохнул эти слова.

Руденко затянулся папиросой, посмотрел в сторону противника и выпустил дым. Он сказал, помолчав:

— Вот ты как! Только что ж у тебя получается — какой-то запробный вопрос: хоронишь себя. Мы еще поживем. Воюем во имя жизни — значит, поживем...

Докурив, Руденко повернулся и с трудом пополз на свое место — к фашистскому пулемету.

Немного погодя Кокорин подполз к комиссару и спросил, как он себя чувствует. Руденко чувствовал себя лучше.

— Слушай, Толя, — сказал он своему другу, — давай уговоримся. Если меня убьют, помирай... красиво. Помни, что ты — чекист. В плен не сдавайся и в одиночку старайся не помирать. Прихватывай за компанию попутчиков. Понимаешь?

— Понимаю, — ответил Кокорин. — Только ведь и это — загробный вопрос, товарищ старший политрук.

Руденко улыбнулся.

— Ладно. Твой вопрос будем считать принятым. Принимай теперь мой вопрос. И вот тебе совет: из винтовки не застрелишься, сохрани напоследок гранату. Веселей будет помирать.

— Понимаю, — серьезно сказал Кокорин.

...Приближался вечер. Дождь то немного утихал, то припускал сильнее. В сумерках фашисты снова усилили огонь. Видимо, они хотели до темноты овладеть высотой, но овладеть так, чтобы понести поменьше жертв: вот почему они не лезли на высоту напролом.

Кокорин отполз на свое место. Ни он, ни Руденко не говорили проникновенных или чувствительных слов, но они оба теперь чувствовали кровную близость. В сумерках наступающего вечера они видели друг друга между деревьями, за рябящей пеленой дождя.

...Последняя финская мина ударила в станковый пулемет Руденко и разбила его вдребезги. Осколки поразили старшего политрука в голову и в лицо, он упал навзничь и потерял сознание.

Он лежал на спине, раскинув руки, с разбитым, окровавленным лицом. Неизвестно, сколько времени провел он в таком положении. Сознание медленно возвращалось к нему. Первым вернулся слух. Он услышал выстрелы, услышал шум борьбы. Тогда он понял, что он жив. Не поднимая головы, он провел рукой по лицу. Теплая влага заливала его глаза. Но он был жив, только не мог еще двигаться. И до его сознания дошел охрипший от ярости, странно измененный голос Кокорина.

— Нет, не возьмешь! Чекиста легко не возьмешь! — слышал он странный, натруженный голос товарища.

Не сразу Руденко понял, о чем Кокорин кричит. А когда сознание его постигло, наконец, смысл происходящего, Кокорин выкрикнул свою последнюю фразу:

— Прощай, боевой политрук!

И замолк.

— Не смей, Кокорин! — закричал Руденко насколько хватило сил. Раздался взрыв, и все стихло...

...Превозмогая слабость и боль, Руденко пополз к тому месту, где сражался его товарищ. Кокорин лежал мертвый. Рядом валялись исковерканные тела двух немцев. У одного была начисто снесена верхушка черепа, другой лежал, подмяв под себя руку и плечо, вскинув ногу, как футболист, ударивший на бегу высокий мяч. Трое фашистов в черных мундирах бежали вниз с холма с удивительной живостью, раз-

махивая руками. Еще звенели в ушах Руденко прощальные слова Кокорина, еще сгустившаяся кровь покрывала его лицо, а он уже мстил за своего друга. Лежа на боку, с трудом различая бегущих, он посылал им вдогонку пулю за пулей. И по мере того как он полнее постигал происшедшее, ширилась его ярость. Голос Кокорина звучал в его ушах. Плача от ярости и горя, он нажимал и нажимал спусковой крючок, пока крики там, внизу, не перестали заглушать голос его друга.

Потом он лежал, обессилив, подле тела Кокорина. Когда совсем стемнело, он подтащил это тело к сосне и забросал хвоей. Лучшей могилы сделать сейчас он не мог.

Никто не тревожил Руденко. Ночью фашисты не решались атаковать — они боялись темноты в лесу. Потери при последних неудачных попытках захватить высоту заставили их отложить до утра новые наскоки. И как могли предположить враги, что всего два бойца отбивали и истребляли их целый день, а теперь на высоте остался только один израненный защитник!

Короткая летняя ночь приближалась к концу, когда Руденко снова накопил силы для дальнейшей борьбы. На мутном, дождливом небе обозначились верхушки деревьев.

Рассветало. Руденко оперся спиной о ствол сосны и с мучительной медленностью поднялся во весь рост.

Послышался шум моторов. Он был в таком состоянии, что не мог разобрать точно, где они шумят. Он понял: это движутся наши части — моторизованная пехота, или артиллерия, или танки. Как бы там ни было, задача выполнена. Высота, эта исключительно важная для общих действий наших частей высота, куда нельзя пускать врага, осталась за нами. Враг не прошел. Руденко шагнул и упал снова. Опять ему пришлось встать с помощью дерева. Он закинул гимнастерку и при слабом предутреннем свете оглядел рану на животе. Все место вокруг нее посинело. Опять он сделал несколько шагов и упал. Тогда он пополз. Он полз по мокрой, холодной земле, не замечая острых камней и колючих веток. Началась орудийная канонада — это заработала наша артиллерия. Старший политрук Руденко мог выйти из боя.

Но прежде чем его подобрала своя, он проделал долгий и трудный путь по лесу, дорогам и реке. На перекрестке дорог он увидел вражеского автоматчика. Они всегда сидят на деревьях у пересечения дорог. Автоматчик дремал. На груди его висел «суоми». Руденко встал на колени и вынул пистолет. В правой руке совсем не было силы. С трудом он поднял ее левой рукой и спустил курок. Автоматчик на дереве качнулся, опрокинулся, но не упал. Он был привязан. Автомат сполз и повис на ремне на его шее, потом дрогнул еще раз — ремень сорвался с шеи финна, и оружие упало к подножию дерева.

Теперь у Руденко был автомат. Но силы иссякали. Он решил плыть по реке — ему казалось, что плыть будет легче. Автомат и пистолет он придерживал раненой рукой.

...Его нашел наш патруль. Руденко лежал без сознания на берегу. Ноги комиссара омывала речная вода.

Он очнулся, когда его несли на плащ-палатке в санитарный батальон. С горькой мыслью: «Кокорину говорил: чекисты в плен не сдаются, а сам попал», он потянулся к пистолету. Его остановил командир патруля...

И дальше — койки, госпитали, врачи... И вот он сидит в своем кабинете, много времени спустя после той ночи, и звание старшего батальонного комиссара сменило прежнее звание старшего политрука, и орден Ленина и Золотая Звезда Героя украсили его грудь, и хорошо зарубцевались швы его десяти ранений, — и вот он слышит голос нового дневального в коридоре. Голос Кокорина! Тонкий, высокий, девичий голос. Руденко вскочил со стула и распахнул дверь. Перед ним стоял молодой боец. И лицом он очень походил на Кокорина. Молодое, внимательное, веселое лицо.

— Как ваша фамилия? — спросил Руденко, слыша звон крови в ушах.

— Смирнов, товарищ старший батальонный комиссар, — по-кокорински звонко ответил дневальный и покраснел. Так всегда краснел и Кокорин.

Руденко стоял перед ним, опустив голову, прислушиваясь к шуму своего сердца, и молчал. С мучительной ясностью встал перед ним образ его погибшего друга... Он повернулся и закрыл дверь.

Он сидел за своим столом и думал о той ночи и об отважном комсомольце, преданном родине, человеку кристальной души и ясного чувства долга, — о Герое Советского Союза Кокорине.

В жестоких, беспощадных боях с немецкими захватчиками рождаются великие ценности — дружба, сцементированная кровью и огнем, и мужество, о котором возникают легенды.